DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

Ю. А. Афанасьева, Б. О. Соколов, А. А. Широканова

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КОВИД-СКЕПТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДВУХ ВОЛН ЛОНГИТЮДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»

Правильная ссылка на статью:
Афанасьева Ю. А., Соколов Б. О., Широканова А. А. Изменчивость ковид-скептических установок в России: результаты анализа двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 53—77. https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2523.
For citation:
Afanasyeva Y. A., Sokolov B. O., Shirokanova A. A. (2024) Variability of COVID Skeptical Attitudes in Russia: Findings from Two Waves of the “Values in Crisis” Longitudinal Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 2. P. 53–77. https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2523. (In Russ.)

Получено: 20.11.2023. Принято к публикации: 16.04.2024.

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КОВИД-СКЕПТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДВУХ ВОЛН ЛОНГИТЮДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»

VARIABILITY OF COVID SKEPTICAL ATTITUDES IN RUSSIA: FINDINGS FROM TWO WAVES OF THE “VALUES IN CRISIS” LONGITUDINAL SURVEY

АФАНАСЬЕВА Юлия Александровна — независимый исследователь, Алматы, Казахстан
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9607-3180

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, доцент департамента социологии , Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5151-8147

ШИРОКАНОВА Анна Александровна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2908-520X

Yulia A. AFANASYEVA[1] — Independent Researcher
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9607-3180

Boris O. SOKOLOV[2] — Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research;
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5151-8147

Anna A. SHIROKANOVA[3] — Cand. Sci. (Soc.), Independent Researcher
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2908-520X

[1] Almaty, Kazakhstan
[2] HSE University, St. Petersburg, Russia
[3] St. Petersburg, Russia

Аннотация. В ходе пандемии COVID-19 многие люди, в том числе в России, не воспринимали угрозу, исходящую от нового вируса, всерьез и игнорировали базовые меры предосторожности, такие как ношение масок и соблюдение социальной дистанции. В силу очевидной опасности, которую подобные взгляды и провоцируемое ими безответственное поведение представляют для других людей, феномен ковид-скептицизма стал объектом пристального интереса социологов

Abstract. During the COVID-19 pandemic, many people, including in Russia, did not take the threat posed by the new virus seriously and ignored basic precautions such as mask wearing and social distancing. Due to the obvious danger that such views and the irresponsible behavior they provoke pose to other people, the phenomenon of COVID skepticism has become an object of close interest among sociologists and public health specialists. However, most existing research on the topic focuses on identify-

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

и специалистов в сфере общественного здоровья. Однако большинство научных работ по теме фокусируются на установлении коррелятов ковид-скептицизма в статической, кросс-секционной перспективе.

Настоящее исследование направлено на выявление социально-демографических и личностных факторов изменчивости индивидуальных установок по отношению к коронавирусу в российском контексте и пытается ответить на вопрос, какие характеристики отличают тех, кто перестает быть ковид-скептиками с течением времени, от тех, чьи установки меняются в обратном направлении. Для этого используются данные двух волн российской части лонгитюдного международного онлайн-опроса «Ценности в кризисе» (июнь 2020 г. и апрель — май 2021 г.).

Доля скептиков среди участников опроса, принявших участие в обеих волнах, чуть менее чем за год сократилась с 37,4% до 31,6%. Среди повторно опрошенных 15,4% перестали быть ковид-скептиками, а 9,6% стали ими. Те, кто отказывается от скептической позиции, старше тех, кто ее принимает, имеют более высокий доход, больше тревожатся по поводу здоровья — как собственного, так и близких. Кроме того, бывшие скептики в большей степени (по сравнению с новыми) поддерживают ценности равенства и выбора (подвиды эмансипативных ценностей К. Вельцеля). Переход из группы нескептиков в группу скептиков (равно как и наоборот) также тесно ассоциируется со снижением (ростом) институционального доверия.

Ключевые слова: COVID-19, ковид-скептицизм, теории заговора, базовые

ing correlates of COVID skepticism from a static, cross-sectional perspective.

This study is aimed at identifying socio-demographic and personality factors in the variability of individual attitudes towards coronavirus in Russia and tries to reveal the characteristics distinguishing those who cease to be COVID skeptics over time from those whose attitudes change in the opposite direction. For this purpose, the authors use the data from two waves of the Russian part of the longitudinal international online survey “Values in Crisis” (June 2020 and April — May 2021).

The study shows that, in less than a year, the share of skeptics among those who participated in both waves dropped from 37.4% to 31.6%. Of the panel respondents, 15.4% ceased to be COVID skeptics, and 9.6%, on the contrary, became sceptics. Abandoning a skeptical position is positively associated with age, income, and health-related anxiety. In addition, former skeptics to a greater extent (compared to new ones) support the values of equality and choice (components of Welzel's emancipative values). The transition from a group of non-skeptics to a group of skeptics (as well as vice versa) is also closely associated with a decrease (increase) in institutional trust.

Keywords: COVID-19, COVID-19 skepticism, conspiracy theories, Schwartz’s

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

ценности Шварца, эмансипативные ценности, институциональное доверие

basic values, emancipative values, institutional trust

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Введение

Пандемия COVID-19 оказалась одним из наиболее серьезных глобальных кризисов в области здравоохранения за последние десятилетия, в силу чего привлекла к себе пристальное внимание представителей академического сообщества. В социальных науках одной из важнейших тем исследований по соответствующей проблематике стало восприятие людьми информации о новой болезни.

Несмотря на быстрое появление убедительных данных о чрезвычайной опасности коронавирусной инфекции, а также о сравнительной эффективности разнообразных способов противодействия ей, многие не доверяли официальным сведениям о вирусе SARS-CoV-2 и не верили в серьезность вызываемого им заболевания, а иногда и отрицали сам факт его существования[1]. Эти люди — ковид-скептики (или ковид-диссиденты) — зачастую отказывались соблюдать рекомендованные меры предосторожности[2] (карантин, ношение масок, социальное дистанцирование, мытье рук и пр.; на поздних этапах — вакцинация) и даже организовывали массовые протесты против них[3], что, вполне возможно, внесло свой вклад в мировую статистику по заражениям и смертям (к концу октября 2023 г. — 7 млн погибших по официальным данным и более 27 млн по оценкам на основе информации об избыточной смертности[4]).

В России ковид-скептические убеждения пользовались значительной популярностью — как в абсолютных величинах, так и относительно других стран. По данным международного проекта «Ценности в кризисе» [Aschauer et al., 2021], летом 2020 г. Россия занимала первое место среди всех государств-участников[5] по доле ковид-

[1] Among the COVID Sceptics: «We Are Being Manipulated, without a Shadow of a Doubt» // The Guardian. 2021. 8 April. URL: https://www.theguardian.com/news/2021/apr/08/among-covid-sceptics-we-are-being-manipulated-anti-lockdown (дата обращения: 05.04.2023).

[2] Work and a Desire to Exercise, Socialize Are Why People Didn't Social Distance, Stanford Researchers Find // Stanford News. 2020. 14 April. URL: https://news.stanford.edu/2020/04/14/people-didnt-social-distance/ (дата обращения: 05.04.2023).

[3] Protests against COVID Rules and Lockdowns Erupt across Europe // CNBC. 2021. 23 November. URL: https://www.cnbc.com/2021/11/22/photos-of-anti-covid-protests-in-europe.html (дата обращения: 05.04.2023).

[4] The Pandemic's True Death Toll // The Economist. 2023. 23 October. URL: https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-estimates (дата обращения: 05.04.2023).

[5] К концу августа 2020 г. первая волна «Ценностей в кризисе» прошла в 15 странах: Австрия, Бразилия, Великобритания, Германия, Греция, Грузия, Казахстан, Китай, Колумбия, Мальдивы, Польша, Россия, Швеция, Южная Корея, Япония. Позже к ним добавились Гонконг, Италия и Чили.

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

скептиков с показателем в 38%[6] [Соколов, Завадская, 2021]. Материалы других исследований свидетельствуют, что в ходе пандемии многие российские граждане игнорировали базовые меры предосторожности, а также демонстрировали низкую готовность вакцинироваться[7]. Согласно одному из опросов ВЦИОМ, россияне отмечали масочный режим (20%) и необходимость соблюдать социальную дистанцию (12%)[8] в качестве одних из наиболее негативных последствий пандемии. До начала массовой вакцинации от COVID-19 доля готовых прививаться в России составляла, по разным источникам, от 13% [Рассказова, Тхостов, 2021] до 38% населения[9]. В то же время в некоторых других странах готовность вакцинироваться демонстрировали от 60% до 80% населения [Neumann-Böhme et al., 2020].

При этом официальные данные Росстата показывают, что к концу 2021 г. количество смертей от COVID-19 в России составило от 600[10] до 700 тыс. человек[11]. Согласно косвенным оценкам, основанным на данных об избыточной смертности[12], — более 1 млн человек[13] (второе место в мире после Индии [Wang et al., 2022; Msemburi et al., 2023]). Резонно предположить, что одной из причин высокой смертности послужило широкое распространение ковид-скептических представлений и порождаемого ими безответственного с эпидемиологической точки зрения поведения. Необходимость понимания причин данных явлений (без чего невозможна разработка эффективных мер по борьбе с ними) обуславливает актуальность изучения потенциальных факторов, способствующих их развитию.

В отличие от большинства опубликованных исследований ковид-скептицизма, опирающихся в основном на кросс-секционные данные [Соколов, Завадская, 2021; Gemenis, 2021; Latkin et al., 2022], в настоящей работе используются материалы лон-

[6] В Чили в первой волне опроса показатель был еще выше — 60,5%. Однако сбор данных в этой стране происходил значительно позже — с января по май 2021 г. Представляется, что не вполне корректно сравнивать результаты, полученные в столь разных временны́х контекстах.

[7] Коронавирус, грипп и вакцинация // Левада-центр. 2023. 5 февраля. URL: https://www.levada.ru/2023/02/15/koronavirus-gripp-i-vaktsinatsiya/ (дата обращения: 10.04.2024) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

[8] Прощай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки // ВЦИОМ. 2022. 15 марта. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki (дата обращения: 10.04.2024).

[9] Новость о создании вакцины от коронавируса у 46% россиян вызвала негативные эмоции // Левада-центр. 2020. 28 августа. URL: https://www.levada.ru/2020/08/28/novost-o-sozdanii-vaktsiny-ot-koronavirusa-u-46-rossiyan-vyzvala-negativnye-emotsii/ (дата обращения: 10.04.2024) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

[10] Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2023. 23 июня. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269 (дата обращения: 13.02.2024).

[11] Смертность среди больных COVID-19 в России за год превысила 500 тыс. // РБК. 2022. 28 января. URL: https://www.rbc.ru/society/28/01/2022/61f419dd9a79479898e05026 (дата обращения: 08.02.2024).

[12] Избыточная смертность — это разница между фактической смертностью от всех причин за конкретный период времени и ожидаемой смертностью от всех причин за этот же период, рассчитанной на основе предшествующих периодов. Указанный показатель считается более точным, чем данные о количестве смертей непосредственно от коронавируса, публикуемые статистическими ведомствами разных стран, так как он менее подвержен ошибкам классификации и учета (в том числе намеренным фальсификациям) и включает смерти, вызванные не напрямую заболеванием, а неоказанием достаточной помощи людям с другими диагнозами из-за переключения ресурсов системы здравоохранения на борьбу с пандемией (и прочими подобными экстерналиями) [Leon et al., 2020; Karlinsky, Kobak, 2021; Wang et al. 2022; Msemburi et al., 2023].

[13] Более подробные и свежие данные о смертности в России в ходе пандемии COVID-19 (в том числе в региональном разрезе и в сравнении с другими странами) доступны в следующем публичном репозитории: Kobak D. Excess Mortality during the COVID-19 Pandemic. URL: https://github.com/dkobak/excess-mortality (дата обращения: 09.02.2024).

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

гитюдного опроса, а именно двух волн российской части проекта «Ценности в кризисе» (сбор данных — июнь 2020 г. и апрель — май 2021 г.). Это позволяет выявить социально-демографические и личностные характеристики респондентов, которые изменили свое мнение относительно COVID-19 за указанный период, и понять, какие из этих характеристик связаны с ковид-скептическими убеждениями, а какие, напротив, препятствуют формированию таковых или помогают от них избавиться.

Обзор литературы

Скептицизм в отношении COVID-19 не имеет общепринятого определения и проявляется в разных формах (которые могут вполне успешно совмещаться в системе взглядов отдельных индивидов): отрицание самого факта существования вируса, убежденность в его искусственном происхождении, неверие в серьезность заболевания, сомнения в эффективности или необходимости действий, направленных на предотвращение распространения инфекции [Küppers, Reiser, 2021; Gemenis, 2021; Levin, Bradshaw, 2022; Latkin et al., 2022]. Пренебрежительное отношение к болезни, как правило, провоцирует осознанное игнорирование превентивных мер, что может рассматриваться как поведенческое измерение ковид-скептицизма [Jaspal, Nerlich, 2023; Latkin et al., 2021].

В этом отношении указанный феномен сближается с таким явлением, как вакцинная нерешительность [Дудина, Сайфулина, 2023; Sallam, 2021]. Оба они выступают как частные варианты более широкого комплекса установок и идей, отражающих склонность ставить под сомнение достижения и постулаты современной науки, который включает в себя такие явления, как отрицание климатических изменений или теории эволюции и неприятие ГМО [Gemenis, 2021; Rutjens et al., 2021; Scheitle, Corcoran, 2021; Reinemann et al., 2022; Priniski, Holyoak, 2022]. Характерно, что люди, демонстрирующие высокий уровень доверия науке, в большей степени соблюдают рекомендованные ВОЗ и национальными правительствами меры по предотвращению заражения коронавирусом [Muğaloğlu et al., 2022].

Ковид-скептицизм также тесно сопряжен со склонностью к конспирологическому мышлению [Hughes et al., 2022]. Существует множество теорий заговора, связанных с COVID-19, например, нарративы о том, что пандемия является фальсификацией, результатом умышленного распространения вируса Китаем или позволяет усилить контроль за населением со стороны «мировой закулисы» [van Mulukom et al., 2022; Latkin et al., 2022]. Особенно активно такие сюжеты распространялись в начале пандемии, когда уровень неопределенности был высок и людям требовались какие-то когнитивные инструменты для совладания с тревогой и обретения чувства контроля [Архипова[14] и др., 2020; Kruglanski et al., 2021]. Впрочем, вера в теории заговора и ковид-скептицизм — это пересекающиеся, но не тождественные явления: многие согласны с тем, что COVID-19 — это реальное заболевание, и не поддерживают конспирологические идеи, но тем не менее сомневаются в опасности вируса. Эмпирические данные показывают, что число таких людей значительно превышает число убежденных сторонников теорий заговора на коронавирусную тематику [Pennycook et al., 2022].

[14] Внесена в реестр иностранных агентов.

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

Одной из главных отличительных черт ковид-скептиков является низкий уровень институционального доверия, особенно в постсоветских и посткоммунистических обществах [Küppers, Reiser, 2022; Макушева, Нестик, 2020; Соколов и др., 2022; Соколов, Завадская, 2021; Eichhorn et al. 2022; Zavadskaya, Caras, 2023]. Недоверие государственным институтам (в том числе медицинским) провоцирует сомнения в распространяемой ими информации о COVID-19, что, в свою очередь, может приводить к нежеланию соблюдать официально рекомендованные меры предосторожности [Lalot et al., 2022; Pagliaro et al., 2021], в частности вакцинироваться [Fobiwe et al., 2022].

Ковид-скептики, в том числе российские, в целом меньше доверяют традиционным средствам массовой информации и больше — онлайн-медиа [Reinemann et al., 2022; Дейнека, Максименко, 2021; Соколов, Завадская, 2021; Нестик, Дейнека, Максименко, 2020]. Использование социальных сетей в качестве основного источника информации положительно связано с поддержкой конспирологических идей и отрицательно — с соблюдением антиковидных мер [Allington et al., 2021]. Есть множественные свидетельства, что именно социальные сети сыграли ключевую роль в популяризации теорий заговора, связанных с пандемией, — за счет того, что они позволяют быстро распространять информацию (включая непроверенную) и способствуют формированию информационных «пузырей», в которых люди общаются преимущественно с единомышленниками и не сталкиваются с альтернативными точками зрения [Goreis, Kothgassner, 2020; Joseph et al., 2022; Liu, 2021; Ramos et al., 2022].

Ковид-скептики зачастую больше ценят личную свободу и автономию, а не общественное благополучие [Hornsey et al., 2021; Соколов, Завадская, 2021], и демонстрируют более высокий уровень индивидуализма [Biddlestone et al., 2020]. Идеологические убеждения также являются важным предиктором восприятия коронавирусной проблематики: среди консерваторов и сторонников правых взглядов ковид-скептиков больше [Eichhorn et al., 2022]. В частности, представители этих групп меньше беспокоятся по поводу COVID-19, реже носят медицинские маски и соблюдают социальную дистанцию, склонны обвинять Китай в распространении вируса, а также чаще верят в соответствующие теории заговора [Hornsey et al., 2020; Levin, Bradshaw, 2022; Prichard, Christman, 2020; Eberl et al., 2021; Kim, Kim, 2021; Druckman et al., 2021].

Один из основных социально-демографических предикторов ковид-скептицизма — возраст. Предыдущие исследования показывают, что чем моложе человек, тем с большей вероятностью он будет разделять ковид-скептические убеждения [Eichhorn et al., 2022; Latkin et al., 2022] или не соблюдать меры предосторожности [Алиева и др., 2023]. Скептики также чаще встречаются среди людей с низкими уровнями образования [Magarini et al., 2021] и дохода [Eichhorn et al., 2022; Hornik et al., 2021].

Большая часть исследований ковид-скептицизма, а также вакцинной нерешительности и соблюдения ограничительных мер в контексте пандемии COVID-19, опирается на кросс-секционные данные, поэтому об устойчивости подобных взглядов и поведенческих паттернов, равно как и о факторах, способствующих их развитию (или отказу от них), известно не очень много. С одной стороны, есть данные, что в некоторых странах (например, в Германии) доля ковид-скептиков уменьша-

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

лась по мере развития пандемии [Eichhorn et al., 2022]. С другой стороны, в ряде работ [de Albuquerque Veloso Machado et al., 2021; Fridman et al., 2021; Oleksy et al., 2022] отмечается, что с течением времени снижалась готовность людей вакцинироваться. Одним из немногих исключений стала Новая Зеландия, где этот показатель оставался высоким как до, так и после начала массовой прививочной кампании [Prickett et al., 2021].

Немногочисленные опубликованные на данный момент лонгитюдные исследования показывают, что использование социальных сетей для получения новостей, авторитарные/консервативные взгляды и вера в теории заговора на раннем этапе пандемии положительно связаны с наличием сомнений в эффективности вакцин в более поздние периоды, тогда как просоциальные установки — отрицательно [Oleksy et al., 2022; Ahmed et al., 2022; Druckman et al., 2021]. Изначальная склонность к конспирологии также предсказывала сообщения об отказе от соблюдения и других рекомендаций, направленных на сдерживание коронавирусной инфекции, в последующих волнах опросов [Karić, Međedović, 2021; Oleksy et al., 2021]. Интересно, что в одном исследовании меры предосторожности чаще игнорировали те респонденты, которые исходно высказывали опасения насчет того, что действия правительства по борьбе с COVID-19 приведут к ограничению гражданских прав [Oleksy et al., 2021]. Таким образом, ковид-скептицизм может быть связан не только с поддержкой авторитаризма, но и с его неприятием.

Насколько эти результаты можно распространить на Российскую Федерацию — неизвестно: на сегодняшний день не имеется опубликованных лонгитюдных исследований по ковид-скептической проблематике в отечественном контексте. Настоящая статья имеет своей целью восполнить указанный пробел и выявить с помощью разведывательного анализа материалов панельного опроса социально-демографические и личностные факторы, связанные с динамикой индивидуальных установок по отношению к коронавирусу. Так как бо́льшая часть корпуса научных знаний по этой теме основывается прежде всего на эмпирических результатах (зачастую противоречивых) и не привязана к конкретным теоретическим традициям, а также в силу значительного числа рассматриваемых в анализе показателей, гипотезы по отдельным переменным не выдвигаются.

Данные

В статье используются данные первых двух волн российской части международного проекта «Ценности в кризисе» (ЦВК) [Понарин, Климова, Соколов, 2021; Понарин, Соколов, Климова, 2021; Aschauer et al., 2021]. Этот проект начался в 2020 г. и имеет своей целью исследовать воздействие пандемии COVID-19 на повседневную жизнь людей, равно как и на их убеждения, ценности и поведенческие привычки. В России первая волна опроса состоялась в июне 2020 г.; в ней приняли участие 1527 респондентов. Вторая волна проводилась в апреле — мае 2021 г.; было опрошено 1199 респондентов.

Данные собирались с помощью коммерческой онлайн-панели маркетинговой компании OMI. Выборка была сформирована с использованием квот по полу и возрасту согласно переписи 2010 г. Следует отметить, что респонденты выбывали неравномерно относительно квот (для соблюдения которых выбывших заменяли но-

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

выми), поэтому среди тех, кто участвовал в обеих волнах, доля женщин оказалась значимо ниже, чем по результатам переписи (49,2% против 54,88%), в то время как доля мужчин — выше (50,8% против 45,12%). Средний возраст оставшихся (48,15 лет на момент первой волны) также превышал аналогичные показатели согласно переписи (45,35) и в полной выборке первой волны (45,72). Наконец, уже в исходной выборке были недостаточно представлены люди с низким уровнем образования (9 классов школы или меньше: 3,5% против 14,6% в переписи) и проживающие в сельской местности (13,2% против 26,3%) [Корсунова, Соколов, 2022: 14]; в панели соответствующие доли оказались еще меньше (2,4% и 12%).

Исследование сосредоточено на 977[15] респондентах, которые приняли участие в обеих волнах. Основная его цель заключается в выявлении факторов, ассоциирующихся с изменчивостью убеждений по коронавирусной проблематике, в силу чего особое внимание уделяется тем, кто поменял свои взгляды по этому вопросу между волнами[16].

В анкете ЦВК (основанной на опросниках Всемирного исследования ценностей и Европейского социального исследования) содержится множество показателей, которые отражают как фундаментальные личностные черты и ценности участников исследования, так и их отношение к широкому кругу общественно-политических проблем, а также социально-демографические характеристики. Важный блок составляет группа вопросов, относящаяся к различным аспектам индивидуального опыта пандемии: опыт заражения коронавирусом у респондента или членов его семьи, степень тяжести заболевания, столкновение с экономическими последствиями ухудшения эпидемиологической ситуации, уровень тревожности по поводу происходящего. В ходе анализа были рассмотрены практически все включенные в анкету показатели, но подробно описываются результаты только по тем переменным, для которых были выявлены значимые связи с динамикой установок по отношению к COVID-19 между волнами.

Операционализация

Чтобы оценить, разделяет ли респондент ковид-скептические взгляды, использовался следующий вопрос, представленный в анкете ЦВК: *«В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер — истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?»* Он имел только два варианта ответа: «да» или «нет». Соответственно, все респонденты были поделены на две категории: ковид-скептиков (ответили «да») и ковид-нескептиков (ответили «нет»).

Такой подход позволяет исследовать различия между указанными группами с помощью простых статистических тестов на значимость различий в средних или пропорциях, но не учитывает градации ковид-скептицизма и не различает отношение к самой пандемии и отношение к правительственным мерам по борьбе с ней. Есть и другая проблема: в силу недостаточной конкретизации того, что

[15] Всего в обоих этапах опроса приняло участие 978 человек, однако один респондент не ответил на вопрос о восприятии пандемии во второй волне и был исключен из анализа.

[16] Сравнению кросс-секционных результатов первой и второй волн посвящена первая часть настоящей статьи [Афанасьева, Соколов, Широканова, 2023].

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

именно подразумевается под «этим» в вопросе, ответ может выражать (не-)согласие респондента как с (1) утверждением о наличии подобных сообщений в соцсетях (что никак не характеризует его позицию относительно коронавируса), так и (2) (не-)согласие с их содержанием (что, собственно, и является маркером ковид-скептицизма). С другой стороны, в анкету второй волны ЦВК были включены дополнительные вопросы, измерявшие степень поддержки нескольких теорий заговора, связанных с коронавирусом. Среди ковид-скептиков сторонников таких теорий оказалось значительно больше [Афанасьева, Соколов, Широканова, 2023].

Кроме того, предыдущие исследования на российском материале, использовавшие данный индикатор, продемонстрировали его высокую внешнюю валидность и наличие сильных связей[17] между ним и широким кругом других характеристик респондентов [Соколов, Завадская, 2021, 2023; Соколов и др., 2022; Афанасьева, Соколов, Широканова, 2023]. Это свидетельствует о том, что такой способ измерения ковид-скептицизма, несмотря на недостатки, представляется допустимым[18].

Результаты

Чтобы понять, какие факторы могут способствовать или, наоборот, противодействовать ковид-скептицизму в динамике, все респонденты, принявшие участие в обеих волнах опроса, были разделены на четыре группы (см. рис. 1):

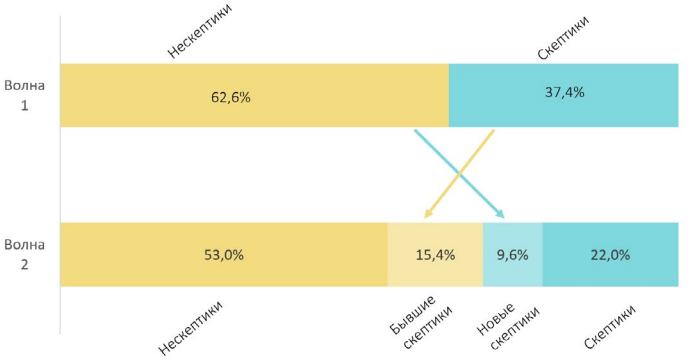
1) «убежденные нескептики» (или просто «нескептики») — респонденты, не менявшие взгляды между волнами, таковых оказалось 53,0 %;

2) «убежденные скептики» (или просто «скептики») — 22,0 %;

3) «бывшие скептики» — те, кто был скептиком в первой волне, но изменил свою позицию ко второй. Их доля составила 15,4 %;

4) «новые скептики», начавшие сомневаться в серьезности происходящего только ко второй волне, — 9,6 %.

Рис. 1. Четыре траектории изменения позиции по отношению к коронавирусу между первой и второй волнами



[17] При этом выявленные паттерны согласуются с результатами других работ по теме, как отечественных, так и зарубежных, в которых использовались альтернативные — и более надежные — индикаторы ковид-скептицизма (см., например, источники, упомянутые в обзоре литературы выше).

[18] См. также аргументацию в работе [Соколов, Завадская, 2021: 418].

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

Какие характеристики позволяют дифференцировать представителей последних двух групп (которые в сумме составляют 25,0 % от всех респондентов, принявших участие в обеих волнах)? Можно выделить три типа сравнений между «непостоянными» скептиками: внутри первой волны исследования (исходные различия), внутри второй волны (различия, появившиеся с течением времени) и между волнами. Так как исследование носит разведывательный характер, интерес представляют все три. При этом, хотя третий тип является функцией от первых двух, фокус на нем позволяет лучше понять именно динамику, то есть направление и величину изменений — конкретных коррелятов ковид-скептицизма. Результаты по всем трем типам различий для упоминаемых ниже показателей суммированы в таблице А1 приложения.

Первым важным фактором является возраст. Средний возраст новых скептиков — 45,8 лет, а бывших скептиков — 49,8 года ($\Delta = 4$, $t = 2{,}34$, $p = 0{,}02$)[19]. Указанные группы также отличались во второй волне по уровню дохода: медианное значение среди бывших скептиков — от 40 до 60 тыс. руб.; среди новых — от 30 до 40 тыс. руб. (в первой волне в обеих категориях медианой был вариант ответа «от 30 до 40 тыс. руб.»).

Бывшие скептики в обеих волнах демонстрировали чуть большую приверженность ценностям равенства[20] [Вельцель, 2017] (волна 1: 0,63 против 0,55 по шкале от 0 до 1; $\Delta = 0{,}08$, $t = 2{,}80$, $p = 0{,}01$; волна 2: 0,63 против 0,57; $\Delta = 0{,}06$, $t = 2{,}03$, $p = 0{,}044$). Похожая картина наблюдается и для ценностей выбора: в первой волне средние значения по данному конструкту в этих группах равняются 0,46 и 0,36 ($\Delta = 0{,}10$, $t = 3{,}10$, $p = 0{,}00$), а во второй — 0,48 и 0,38 ($\Delta = 0{,}10$, $t = 3{,}05$ $p = 0{,}00$).

Различия между группами респондентов, изменивших мнение относительно коронавируса, были обнаружены для трех базовых ценностей первого порядка по Шварцу [Шварц и др., 2012; Магун, Руднев, 2008]. Во-первых, во второй волне у новых скептиков средние значения ценности власти были несколько выше (−0,32 против −0,60; $\Delta = 0{,}28$, $t = 2{,}45$, $p = 0{,}02$). Во-вторых, будущие новые скептики в первой волне в меньшей степени ценили универсализм (впрочем, для данной ценности разница была только пограничнo значимой: 0,35 против 0,50; $\Delta = 0{,}15$, $t = 1{,}70$, p =0,09) и самостоятельность (0,17 против 0,45; $\Delta = 0{,}28$, $t = 2{,}52$, $p = 0{,}01$). Во второй волне, однако, различия между этими группами по обоим конструктам исчезли: средние по ценности универсализма — 0,54 против 0,57 ($\Delta = 0{,}03$, $t = 0{,}28$, p =0,78); по ценности самостоятельности — 0,21 против 0,30 ($\Delta = 0{,}09$, $t = 0{,}83$, p =0,41) соответственно.

[19] Здесь и далее разница средних и соответствующая t-статистика приводятся по модулю, так как вместе с ними даются и средние значения для сравниваемых групп, в силу чего не составляет труда понять, в какой группе целевой показатель выражен в большей степени. Если прямо не указано иное, то по умолчанию используется критерий Стьюдента для независимых выборок.

[20] Ценности равенства и ценности выбора являются вариантами предложенного К. Вельцелем понятия эмансипативных ценностей [Вельцель, 2017], расширяющего более известные русскоязычному читателю концепции постматериалистических ценностей и ценностей самовыражения [Инглхарт, Вельцель, 2011; Инглхарт, 2018]. Первый из указанных конструктов фиксирует, насколько респонденты поддерживают гендерное равенство в таких сферах, как политика, образование и рынок труда. В свою очередь, ценности выбора отражают индивидуальные представления о допустимости таких практик, как гомосексуальность, аборты и разводы. В настоящем исследовании эти понятия измеряются с помощью композитных индексов, составленных на основании соответствующих вопросов анкеты и приведенных к шкале от 0 до 1, где 1 соответствует наиболее либеральным взглядам (см. полное описание соответствующей методики в работе [Вельцель, 2017]).

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

Другое важное различие между бывшими и новыми скептиками — уровень тревоги в начале пандемии. Последние во время первой волны сильнее беспокоились о возможных негативных последствиях пандемии в плане как здоровья (3,13 против 2,48 по шкале от 0 до 4; $\Delta = 0{,}65$, $t = 4{,}34$, $p = 0{,}00$), так и благосостояния[21] (3,20 против 2,93; $\Delta = 0{,}27$, $t = 1{,}88$, $p = 0{,}06$). Во второй волне существенной разницы между двумя группами не наблюдалось: средние значения тревожности относительно здоровья были 2,93 и 2,85 ($\Delta = 0{,}08$, $t = 0{,}51$, $p = 0{,}61$) соответственно; относительно материального положения — 2,91 и 2,84 ($\Delta = 0{,}07$, $t = 0{,}47$, $p = 0{,}64$).

На момент первой волны опроса новые скептики отличались от бывших скептиков более высоким уровнем доверия к традиционным СМИ (ТВ и радио) по сравнению с социальными сетями (2,94 против 2,61 по шкале от 1 до 5; $\Delta = 0{,}33$ $t = 2{,}00$, $p = 0{,}047$). Во второй волне разница стала незначимой (2,72 у новых против 3,00 у бывших; $\Delta = 0{,}28$, $t = 1{,}86$, $p = 0{,}06$). При этом уровень доверия традиционным медиа значимо вырос среди бывших скептиков ($\Delta = 0{,}39$, $t = 3{,}63$, $p = 0{,}00$[22]).

Уровень доверия правительству (1,26 против 0,95 по шкале от 0 до 3; $\Delta = 0{,}31$, $t = 2{,}57$, $p = 0{,}01$), системе здравоохранения (1,29 против 0,95 по шкале от 0 до 3; $\Delta=0{,}34$, $t = 3{,}08$, $p = 0{,}00$) и институтам страны в целом (1,31 против 1,10 по шкале от 0 до 3; $\Delta=0{,}21$, $t = 1{,}92$, $p = 0{,}06$) у новых скептиков в первой волне также был выше. Как и для многих других переменных, ко второй волне указанные различия исчезают или становятся существенно меньше: средние уровни доверия правительству у новых и бывших скептиков весной 2021 г. составляли 0,99 и 0,97 ($\Delta = 0{,}02$, $t = 0{,}20$, $p = 0{,}85$) соответственно; системе здравоохранения — 1,15 и 1,05 ($\Delta = 0{,}10$, $t = 0{,}84$, $p = 0{,}40$); институтам страны в целом — 1,28 и 1,26 ($\Delta = 0{,}02$, $t = 0{,}24$, $p = 0{,}80$). При этом доверие правительству значимо снизилось среди новых скептиков ($\Delta = 0{,}27$, $t = 3{,}20$, $p = 0{,}00$[23]) между волнами, а доверие институтам страны значимо выросло среди бывших скептиков ($\Delta = 0{,}16$, $t = 2{,}64$, $p = 0{,}01$[24]).

В отличие от институционального доверия, расхождения между этими группами в плане их оценки конкретных действий правительства по противодействию пандемии оказались не такими выраженными. В первой волне данный показатель был немного (статистически незначимо) выше среди новых скептиков (1,78 против 1,61; $\Delta = 0{,}17$, $t = 1{,}13$, $p = 0{,}26$). Во второй волне позиция бывших скептиков стала существенно более одобрительной (среднее значение — 1,94 против 1,61 в первой волне; $\Delta = 0{,}33$, $t = 3{,}97$, $p = 0{,}00$[25]). Среди новых скептиков уровень одобрения правительства тоже вырос, но минимально (1,84 против 1,78; $\Delta = 0{,}06$, $t = 0{,}58$, $p = 0{,}57$[26]). Тем не менее допустимо предположить, что разочарование в официальных источниках информации и существующих социально-

[21] Соответствующие вопросы фиксировали, насколько сильно респонденты беспокоились насчет того, что они сами или их близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса или от экономического спада, вызванного коронавирусом.

[22] Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

[23] Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

[24] Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

[25] Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

[26] Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

политических институтах может способствовать росту ковид-скептицизма, а обратный процесс — отказу от него.

Заключение

Анализ материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» показывает, что индивидуальные представления о пандемии коронавируса могут меняться с течением времени: четверть (25,0 %) респондентов, принявших участие в обоих этапах исследования, в апреле — мае 2021 г. ответили на соответствующий вопрос не так, как в июне 2020 г. Более 40 % тех, кто был ковид-скептиком в первой волне ЦВК (15,4 % из 37,4 %), перешли в категорию нескептиков; при этом примерно каждый шестой нескептик (9,6 % из 62,6 %) в первой волне стал скептиком во второй. С одной стороны, эти числа свидетельствуют о том, что снижение уровня неопределенности относительно нового заболевания по мере развития ситуации способствует также и снижению доли ковид-скептиков. С другой стороны, этот процесс не является однонаправленным: один из десяти участников опроса, напротив, начал сомневаться в серьезности пандемии только спустя довольно значительный промежуток времени после ее начала.

Новые скептики демонстрируют более высокий исходный уровень обеспокоенности потенциальными последствиями пандемии для их (и членов их семей) здоровья. Возможно, их переход к скептицизму и снижение уровня обеспокоенности по мере развития пандемии — это проявление своеобразной стратегии преодоления стресса: когда люди чего-то боятся и не имеют возможности это контролировать, они находят простое объяснение сложной проблемы, за счет чего снижают тревогу (характерно, что во второй волне между бывшими и новыми скептиками различий в уровнях тревожности обоих типов нет). Это наблюдение может объясняться и по-другому: появление дополнительной информации о вирусе в ходе пандемии способствовало одновременно снижению неопределенности и тревоги, но также и появлению сомнений в серьезности угрозы. При этом среди убежденных скептиков уровень обеспокоенности по поводу здоровья в обеих волнах был существенно ниже, чем среди новых скептиков. Это согласуется с наблюдениями других исследователей, согласно которым индивидуальное восприятие риска заболеть может быть нелинейно (U-образно) связано со склонностью к конспирологическому мышлению [Rozukalne et al., 2021].

Кроме того, отказ от ковид-скептицизма (в сравнении с обратной трансформацией) чаще наблюдался среди лиц старшего возраста и с более высоким уровнем дохода. Первая тенденция, очевидно, отражает объективно более серьезные риски COVID-19 для пожилых людей — они попросту не могут позволить себе «роскошь» сомнения. Свою роль здесь играет куда более распространенный (и менее оптимистичный [27]) среди этой категории непосредственный опыт знакомства с болезнью. Вторая тенденция, видимо, отражает «скептический» эффект неудовле-

[27] Молодые люди или лица среднего возраста с хорошим здоровьем чаще всего переносят коронавирус в легкой форме. Подобный опыт может интерпретироваться некоторыми из них в качестве эмпирического подтверждения тезиса о том, что коронавирус не страшнее гриппа. Среди пожилых такой благоприятный сценарий значительно менее вероятен (плюс выше — и тем самым заметнее — смертность среди их непосредственного круга общения), в силу чего и причин сомневаться в серьезности связанных с болезнью угроз у них меньше.

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

творительного материального положения, описанный ранее в литературе, в том числе и в российском контексте (см., например, [Соколов и Завадская, 2021]).

Кроме того, бывшие скептики в большей степени (чем новые) поддерживают ценности равенства и выбора (по Вельцелю) и в меньшей степени — власти (по Шварцу). Вероятно, просоциальные и эгалитарные установки могут способствовать большему доверию к официальной информации (см. также [Глазков, 2022]), хотя стоящий за этим механизм неясен. Впрочем, исследований связи между ценностями и отношением к коронавирусу (и, шире, склонностью к конспирологическому мышлению) на данный момент крайне мало, особенно лонгитюдных, в силу чего делать какие-либо обобщения и сравнения представляется преждевременным.

Наконец, в первой волне среди бывших скептиков доверие традиционным медиа и различным национальным институтам было сильно ниже, чем у новых скептиков. Во второй волне эти различия в общем сохранились (за исключением доверия медиа), но сильно ослабли: у бывших скептиков указанные показатели между волнами выросли, а у новых скептиков — сократились. Эти тенденции подтверждают предыдущие свидетельства о том, что ковид-скептицизм тесно связан с институциональным или политическим доверием [Макушева, Нестик, 2020; Соколов, Завадская, 2021; Соколов, Завадская, Чмель, 2022; Соколов, Завадская, 2023].

Рассматривались и иные характеристики респондентов: пол, образование, проживание в городе / сельской местности, наличие детей, уровень субъективного благополучия (в том числе показатели по шкале депрессии), «большая пятерка» личностных черт, все базовые ценности Шварца первого порядка, различные аспекты негативного опыта пандемии (заболевание коронавирусом, потеря работы) и ряд других. По ним значимых различий между бывшими и новыми скептиками выявлено не было.

В целом полученные результаты согласуются с выводами других исследований о том, что ковид-скептицизм в большей степени распространен среди представителей младших и средних возрастных групп, людей с меньшим уровнем дохода [Eichhorn, 2022] и с низким уровнем институционального доверия [Küppers, Reiser, 2022], а также тех, кто предпочитает традиционным медиа социальные сети в качестве источника информации [Goreis, Kothgassner, 2020]. При этом на российских данных не удалось обнаружить связь между политической позицией по шкале «левый — правый» и формированием скептических взглядов по отношению к коронавирусу, ранее описанную на материалах западных стран [Hornsey et al., 2020; Kim, Kim, 2021; Levin, Bradshaw, 2022; Prichard, Christman, 2020]. Возможно, указанная шкала плохо ухватывает особенности российского идеологического пространства.

Следует обозначить основные ограничения работы. Во-первых, в качестве метрики ковид-скептицизма использовался единственный вопрос с не самой удачной формулировкой, к тому же смешивающий отношение к пандемии и оценку эффективности деятельности правительства по борьбе с ней. Кроме того, он не позволяет разграничить различные виды ковид-скептицизма: от простого отказа соблюдать меры предосторожности и неверия в серьезность заболевания до веры в теории заговора по теме COVID-19. Еще одной важной проблемой является то, что изменение позиции респондентов относительно коронавируса между двумя волнами опроса могло быть вызвано случайными причинами: например,

респонденты попросту невнимательно (или не задумываясь) отвечали на замеряющий ковид-скептицизм вопрос. С другой стороны, маловероятно, что доля таких ответов является хоть сколько-нибудь заметной, иначе вряд ли бы удалось получить какие-либо осмысленные результаты в плане ассоциаций с другими характеристиками опрошенных. Также необходимо указать, что полноценное понимание причин изменения индивидуальной позиции по отношению к коронавирусу требует сравнения не только бывших и новых скептиков между собой, но и с теми, чьи установки оставались неизменными — убежденными скептиками и нескептиками. Это, однако, является задачей для будущих исследований.

Кроме того, как отмечается выше, использованная выборка имеет ограниченную репрезентативность. Следует подчеркнуть, однако, что настоящее исследование в первую очередь направлено на выявление коррелятов динамики ковид-скептицизма, а не на точную оценку распространенности самого феномена в России. Согласно ряду недавних методологических публикаций [Coppock, McClellan, 2019; Peyton, Huber, Coppock, 2022; Moss et al., 2023], статистические коэффициенты, измеряющие силу связи между различными признаками, являются менее чувствительными к характерному для онлайн-опросов смещению выборки относительно генеральной совокупности по одному или нескольким параметрам, чем меры центральной тенденции. В этом отношении полученные результаты могут рассматриваться в качестве относительно достоверных и репрезентативных, как минимум в плане знака и статистической значимости выявленных ассоциаций.

Список литературы (References)

Алиева А., Бадалян Д., Костенко В., Пантелеев К., Пацюкова Ю., Станевич О. Социальные предикторы соблюдения ограничительных мер в первую волну пандемии Covid-19 в Санкт-Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 1. С. 25—44. https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-25-44.
Alieva A., Badalyan D., Kostenko V., Panteleev K., Pacyukova YU., Stanevich O. (2023) Social Predictors of Compliance with Restrictive Measures in the First Wave of the Covid-19 Pandemic in St. Petersburg. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 25—44. https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-25-44. (In Russ.)

Архипова А. С.[28], Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778.
Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778. (In Russ.)

Афанасьева Ю. А., Соколов Б. О., Широканова А. А. Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и соци-

[28] Внесена в реестр иностранных агентов.

альные перемены. 2023. № 5. С. 115—137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375.
Afanasyeva Y. A., Sokolov B. O., Shirokanova A. A. (2023) Factors of COVID-19-Skepticism in Russia: Evidence from Two Waves of the "Values in Crisis" Longitudinal Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 115—137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375. (In Russ.)

Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017
Welzel C. (2017) Freedom Rising. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Глазков К. П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 301—326. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2110.
Glazkov K. P. (2022) Chasing Herd Immunity: Vaccination Strategies of Russians in the Context of Various Forms of Enforcement to Vaccination. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 301—326. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2110. (In Russ.)

Дейнека О. С., Максименко А. Динамика отношения россиян к вызванной COVID-19 пандемии и режиму самоизоляции в период первой и второй волн // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева, А. Е. Воробьевой. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05.
Deyneka O. S., Maximenko A. A. (2021) Dynamics of Russians' Attitudes Towards the Pandemic Caused by COVID-19 and the Self-Isolation Regime during the First and Secod Waves. In: The Impact of the Pandemic on Personality and Society: Psychological Mechanisms and Consequences. Moscow: Institute of Psychology, RAS. P. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05. (In Russ.)

Дудина В. И., Сайфулина В. О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279—298. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344.
Dudina V. I., Saifulina V. O. (2023) «I Read It, I Wanted To Get Vaccinated Even Less»: An Online Discourse of Vaccine Hesitancy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 279—298. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия / под ред. Ю. Кузнецова; пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011.
Inglehart R., Welzel C. (2011). Modernization, Cultural Change, and Democracy. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)

Инглхарт *Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / под ред. М. А. Завадской, В. В. Костенко, А. А. Широкановой; научн. ред. Э. Д. Понарин; пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М.: Мысль, 2018

Inglehart R. (2018). Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Корсунова В. И., Соколов Б. О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 4—27. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083.
Korsunova V. I., Sokolov B. O. (2022) Value Orientations in Russia: Comparing Evidence from Online and Face-to-Face Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 3. P. 4—27. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083. (In Russ.)

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33—58.
Magun V. S., Rudnev M. G. (2008) The Life Values of the Russian Population: Similarities and Differences in Comparison with Other European Countries. *Vestnik Obschestvennogo mneniya. Danniye. Analiz. Discussii*. No 1. P. 33—58. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770.
Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427—447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770. (In Russ.)

Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87—104. https://doi.org/10.17759/sps.2020110407.
Nestik T. A., Deyneka O. S., Maksimenko A. A. (2020) Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Social Psychology and Society.* Vol. 11. No. 4. P. 87—104. https://doi.org/10.17759/sps.2020110407. (In Russ.)

Понарин, Э. Д., Климова, А. М., Соколов, Б. О. Values in Crisis-International/Ценности в кризис (данные по российской выборке) 2020 г. Номер свидетельства: RU 2021622511, 2021. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet? DB=DB&DocNumber=2021622511&TypeFile=html.
Ponarin, E.D., Klimova, A.M, Sokolov, B.O. (2021) Values in Crisis International (Russia) 2020. Registration number: RU 2021622511. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet? DB=DB&DocNumber=2021622511&TypeFile=html. (In Russ.)

Понарин, Э. Д., Климова, А. М., Соколов, Б. О. Values in Crisis-International / Ценности в кризис (данные по российской выборке) 2021 г. Номер свидетельства: RU 2021622861. URL: https://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servlet? DB=DB&DocNumber=2021622861&TypeFile=html.

Ponarin, E.D., Sokolov, B.O., Klimova, A.M. (2021) Values in Crisis International (Russia) 2021. Registration number: RU 2021622861. URL: https://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servlet? DB=DB&DocNumber=2021622861&TypeFile=html. (In Russ.)

Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Готовность к вакцинации против коронавируса как мера доверия официальным медицинским рекомендациям: роль тревоги и представлений // Национальный психологический журнал. 2021. № 1. С. 76—90. https://doi.org/10.11621/npj.2021.0107.
Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. (2021) Eagerness to Be Vaccinated against Coronavirus as an Indicator of Trust to Official Medical Recommendations: The Role of Anxiety and Beliefs. *National Psychological Journal*. No. 1. P. 76—90. https://doi.org/10.11621/npj.2021.0107. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410—435. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938.
Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. (2021) Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 410—435. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А., Чмель К. Ш. Динамика индивидуальной политической поддержки в России в ходе пандемии COVID-19: анализ данных опроса «ценности в кризисе» // Политическая наука. 2022. № 2. С. 122—143. https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.06.
Sokolov B. O., Zavadskaya M. A., Chmel K. Sh. (2022) The Dynamic of Political Support in Russia during the COVID-19 Pandemic: Evidence from 'The Values in Crisis' Survey Data Analysis. *Political Science (RU)*. No. 2. P. 122—143. http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.06. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России (по материалам опроса «Ценности в кризисе») // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 4. № . 4. С. 152—167. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.11.
Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. (2023) Individual Experience of the First Wave of the COVID-19 Pandemic and Political Support in Russia: Evidence from the Values in Crisis Survey. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 152—167. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.11. (In Russ.)

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43—70.
Schwartz Sh., Butenko T., Sedova D., Lipatova A. (2012) A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics.* Vol. 9. No. 2. P. 43—70. (In Russ.)

Ahmed S., Rasul M. E., Cho J. (2022) Social Media News Use Induces COVID-19 Vaccine Hesitancy through Skepticism Regarding Its Efficacy: A Longitudinal Study from the United States. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 900386. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.900386.

Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. (2021) Health-Protective Behaviour, Social Media Usage and Conspiracy Belief during the COVID-19 Public Health Emergency. *Psychological Medicine*. Vol. 51. No. 10. P. 1763—1769. https://doi.org/10.1017/S003329172000224X.

Aschauer W., Seymer, A., Bodi-Fernandez O., Herzog M., Hadler M., Höllinger F., Bacher J., Welzel C., Boehnke K., Delhey J., Deutsch F., Eichhorn J., Kühnen U., Moraes D., Kemer T., Gonzalez R., Salvatierra V., Fuentes A., Chang Y., …, Stier J. (2021) Values in Crisis International (SUF edition) [Data set]. *AUSSDA*. https://doi.org/10.11587/LIHK1L.

Biddlestone M., Green R., Douglas K. M. (2020) Cultural Orientation, Power, Belief in Conspiracy Theories, and Intentions to Reduce the Spread of COVID-19. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 59. No. 3. P. 663—673. https://doi.org/10.1111/bjso.12397.

Coppock A., McClellan O. A. (2019) Validating the Demographic, Political, Psychological, and Experimental Results Obtained from a New Source of Online Survey Respondents. *Research & Politics*. Vol. 6. No. 1. https://doi.org/10.1177/2053168018822174.

de Albuquerque Veloso Machado M., Roberts B., Wong B. L. H., van Kessel R., Mossialos E. (2021) The Relationship Between the COVID-19 Pandemic and Vaccine Hesitancy: A Scoping Review of Literature Until August 2021. *Frontiers in Public Health*. Vol. 9. Art. 747787. https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2021.747787.

Druckman J. N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J. B. (2021) Affective Polarization, Local Contexts and Public Opinion in America. *Nature Human Behaviour*. Vol. 5. No. 1. P. 28—38. https://doi.org/10.1038/s41562-020-01012-5.

Eberl J.-M., Huber R. A., Greussing E. (2021) From Populism to the "Plandemic": Why Populists Believe in COVID-19 Conspiracies. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. Vol. 31. Sup1. P. 272—284. https://doi.org/10.1080/17457289.2021.1924730.

Eichhorn J., Spöri T., Delhey J., Deutsch F., Dragolov G. (2022) Reality Bites: An Analysis of Corona Deniers in Germany over Time. *Frontiers in Sociology*. Vol. 7. Art. 974972. https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.974972.

Fobiwe J. P., Martus P., Poole B. D., Jensen J. L., Joos S. (2022) Influences on Attitudes Regarding COVID-19 Vaccination in Germany. *Vaccines*. Vol. 10. No. 5. P. 658. https://doi.org/10.3390/vaccines10050658.

Fridman A., Gershon R., Gneezy A. (2021) COVID-19 and vaccine hesitancy: A longitudinal study. *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 4. Art. e0250123. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250123.

Gemenis K. (2021) Explaining Conspiracy Beliefs and Scepticism around the COVID-19 Pandemic. *Swiss Political Science Review*. Vol. 27. No. 2. P. 229—242. https://doi.org/10.1111/spsr.12467.

Goreis A., Kothgassner O. D. (2020) Social Media as Vehicle for Conspiracy Beliefs on COVID-19. *Digital Psychology*. Vol. 1. No. 2. P. 36—39. https://doi.org/10.24989/dp.v1i2.1866.

Hornik R., Kikut A., Jesch E., Woko C., Siegel L., Kim K. (2021) Association of COVID-19 Misinformation with Face Mask Wearing and Social Distancing in a Nationally Representative US Sample. *Health Communication*. Vol. 36. No. 1. P. 6—14. https://doi.org/10.1080/10410236.2020.1847437.

Hornsey M. J., Chapman C. M., Alvarez B., Bentley S., Salvador Casara B. G., Crimston C. R., Ionescu O., Krug H., Preya Selvanathan H., Steffens N. K., Jetten J. (2021) To What Extent Are Conspiracy Theorists Concerned for Self versus Others? A COVID-19 Test Case. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 51. No. 2. P. 285—293. https://doi.org/10.1002/ejsp.2737.

Hornsey M. J., Finlayson M., Chatwood G., Begeny C. T. (2020) Donald Trump and Vaccination: The Effect of Political Identity, Conspiracist Ideation and Presidential Tweets on Vaccine Hesitancy. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 88. Art. 103947. https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.103947.

Hughes J. P., Efstratiou A., Komer S. R., Baxter L. A., Vasiljevic M., Leite A. C. (2022) The Impact of Risk Perceptions and Belief in Conspiracy Theories on COVID-19 Pandemic-Related Behaviours. *PLOS ONE*. Vol. 17. No. 2. Art. e0263716. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263716.

Jaspal R., Nerlich, B. (2023) Social Representations of COVID-19 Skeptics: Denigration, Demonization, and Disenfranchisement. *Politics, Groups, and Identities*. Vol. 11. No. 4. P. 750—770. https://doi.org/10.1080/21565503.2022.2041443.

Joseph A. M., Fernandez V., Kritzman S., Eaddy I., Cook O. M., Lambros S., Jara Silva C. E., Arguelles D., Abraham C., Dorgham N., Gilbert Z. A., Chacko L., Hirpara R. J., Mayi B. S., Jacobs R. J. (2022) COVID-19 Misinformation on Social Media: A Scoping Review. *Cureus*. Vol. 14. No. 4. Art. e24601. https://doi.org/10.7759/cureus.24601.

Karić T., Međedović J. (2021) COVID-19 Conspiracy Beliefs and Containment-Related Behaviour: The Role of Political Trust. *Personality and Individual Differences*. Vol. 175. Art. 110697. https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110697.

Karlinsky A., Kobak D. (2021) Tracking Excess Mortality across Countries during the COVID-19 Pandemic with the World Mortality Dataset. *ELife*. Vol. 10. Art. e69336. https://doi.org/10.7554/eLife.69336.

Kim S., Kim S. (2021) Searching for General Model of Conspiracy Theories and Its Implication for Public Health Policy: Analysis of the Impacts of Political, Psychological, Structural Factors on Conspiracy Beliefs about the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health.* Vol. 18. No. 1. Art. 266. https://doi.org/10.3390/ijerph18010266.

Kruglanski A. W., Molinario E., Lemay E. P. (2021) Coping with COVID-19-induced threats to self. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 284—289. https://doi.org/10.1177/1368430220982074.

Küppers A., Reiser M. (2022) Ideological Extremism or Far-Right Attitudes? The Role of Ideology for COVID-19 Scepticism. *Representation*. Vol. 58. No. 4. P. 481—499. https://doi.org/10.1080/00344893.2022.2134190.

Lalot F., Heering M. S., Rullo M., Travaglino G. A., Abrams D. (2022) The Dangers of Distrustful Complacency: Low Concern and Low Political Trust Combine to Undermine Compliance with Governmental Restrictions in the Emerging COVID-19 Pandemic. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 25. No. 1. P. 106—121. https://doi.org/10.1177/1368430220967986.

Latkin C. A., Dayton L., Moran M., Strickland J. C., Collins K. (2022) Behavioral and Psychosocial Factors Associated with COVID-19 Skepticism in the United States. *Current Psychology*. Vol. 41. P. 7918—7926. https://doi.org/10.1007/s12144-020-01211-3.

Latkin C., Dayton L. A., Yi G., Konstantopoulos A., Park J., Maulsby C., Kong X. (2021) COVID-19 Vaccine Intentions in the United States, a Social-Ecological Framework. *Vaccine*. Vol. 39. No. 16. P. 2288—2294. https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2021.02.058.

Leon D. A., Shkolnikov V. M., Smeeth L., Magnus P., Pechholdová M., Jarvis C. I. (2020) COVID-19: A Need for Real-Time Monitoring of Weekly Excess Deaths. *The Lancet*. Vol. 395. No. 10234, e81. https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8.

Levin J., Bradshaw M. (2022) Determinants of COVID-19 Skepticism and SARS-Cov-2 Vaccine Hesitancy: Findings from a National Population Survey of U.S. adults. *BMC Public Health*. Vol. 22. No. 1. Art. 1047. https://doi.org/10.1186/s12889-022-13477-2.

Liu P. L. (2021) COVID-19 Information on Social Media and Preventive Behaviors: Managing the Pandemic through Personal Responsibility. *Social Science & Medicine*. Vol. 277. Art. 113928. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.113928.

Magarini F. M., Pinelli M., Sinisi A., Ferrari S., De Fazio G. L., Galeazzi G. M. (2021) Irrational Beliefs about COVID-19: A Scoping Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 19. Art. 9839. https://doi.org/10.3390/ijerph18199839.

Msemburi W., Karlinsky A., Knutson V., Aleshin-Guendel S., Chatterji S., Wakefield J. (2023) The WHO Estimates of Excess Mortality Associated with the COVID-19 Pandemic. *Nature*. Vol. 613. No. 7942. P. 130—137. https://www.nature.com/articles/S41586-022-05522-2

Moss A. J., Hauser D. J., Rosenzweig C., Jaffe S., Robinson J., Litman L. (2023) Using Market-Research Panels for Behavioral Science: An Overview and Tutorial. *Advances in Methods and Practices in Psychological Science. Vol.* 6. No. 2. https://doi.org/10.1177/25152459221140388.

Muğaloğlu E. Z., Kaymaz Z., Mısır M. E., Laçin-Şimşek C. (2022) Exploring the Role of Trust in Scientists to Explain Health-Related Behaviors in Response to the COVID-19 Pandemic. *Science & Education.* Vol. 31. No. 5. P. 1281—1309. https://doi.org/10.1007/s11191-022-00323-5.

Neumann-Böhme S., Varghese N. E., Sabat I., Barros P. P., Brouwer W., van Exel J., Schreyögg J., Stargardt T. (2020) Once We Have It, Will We Use It? A European Survey on Willingness to Be Vaccinated Against COVID-19. *The European Journal of Health Economics.* Vol. 21. No. 7. P. 977—982. https://doi.org/10.1007/s10198-020-01208-6.

Oleksy T., Wnuk A., Gambin M., Łyś, A. (2021) Dynamic Relationships between Different Types of Conspiracy Theories about COVID-19 and Protective Behaviour: A Four-Wave Panel Study in Poland. *Social Science & Medicine*. Vol. 280. Art. 114028. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114028.

Oleksy T., Wnuk A., Gambin M., Łyś A., Bargiel-Matusiewicz K., Pisula E. (2022) Barriers and Facilitators of Willingness to Vaccinate against COVID-19: Role of Prosociality, Authoritarianism and Conspiracy Mentality. A Four-Wave Longitudinal Study. *Personality and Individual Differences*. Vol. 190. Art. 111524. https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111524.

Pagliaro S., Sacchi S., Pacilli M. G., Brambilla M., Lionetti F., Bettache K., … Zubieta E. (2021) Trust predicts COVID-19 prescribed and discretionary behavioral intentions in 23 countries. *PLOS ONE.* Vol. 16. No. 3. Art. e0248334. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248334.

Pennycook G., McPhetres J., Bago B., Rand, D. G. (2022) Beliefs About COVID-19 in Canada, the United Kingdom, and the United States: A Novel Test of Political Polarization and Motivated Reasoning. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 48. No. 5. P. 750—765. https://doi.org/10.1177/01461672211023652.

Peyton K., Huber G., Coppock A. (2022) The Generalizability of Online Experiments Conducted During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Experimental Political Science.* Vol. 9. No. 3. P. 379—394. https://doi.org/10.1017/XPS.2021.17.

Prichard E. C., Christman S. D. (2020) Authoritarianism, Conspiracy Beliefs, Gender and COVID-19: Links Between Individual Differences and Concern About COVID-19, Mask Wearing Behaviors, and the Tendency to Blame China for the Virus. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Art. 597671. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.597671.

Prickett K. C., Habibi H., Carr P. A. (2021) COVID-19 Vaccine Hesitancy and Acceptance in a Cohort of Diverse New Zealanders. *The Lancet Regional Health — Western Pacific*. Vol. 14. https://doi.org/10.1016/j.lanwpc.2021.100241.

Priniski J. H., Holyoak K. J. (2022) A Darkening Spring: How Preexisting Distrust Shaped COVID-19 Skepticism. *PloS One*. Vol. 17. No. 1. Art. e0263191. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263191.

Ramos M. D. M., Machado R. D. O., Cerqueira-Santos E. (2022) “It’s True! I Saw It on WhatsApp”: Social Media, Covid-19, and Political-Ideological Orientation in Brazil. *Trends in Psychology.* Vol. 30. No. 3. P. 570—590. https://doi.org/10.1007/s43076-021-00129-4.

Reinemann C., Haas A., Rieger D. (2022) “I Don’t Care, ’Cause I Don’t Trust Them!” the Impact of Information Sources, Institutional Trust, and Right-Wing Populist Attitudes on the Perception of the COVID-19 Pandemic during the First Lockdown in Germany.

SCM Studies in Communication and Media. Vol. 11. No. 1. P. 132—168. https://doi.org/10.5771/2192-4007-2022-1-132.

Rozukalne A., Murinska S., Tifentale A. (2021) Is COVID-19 an 'Ordinary Flu' That Benefits Politicians? Perception of Pandemic Disinformation in Latvia. *Communication Today*. Vol. 12. No. 2 P. 68—82.

Rutjens B. T., Van der Linden S., Van der Lee R. (2021) Science Skepticism in Times of COVID-19. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. *24.* No. 2. P. 276—283. https://doi.org/10.1177/1368430220981415.

Sallam M. (2021). COVID-19 Vaccine Hesitancy Worldwide: A Concise Systematic Review of Vaccine Acceptance Rates. *Vaccines*. Vol. *9.* No. 2. Art. 160. https://doi.org/10.3390/vaccines9020160.

Scheitle C. P., Corcoran K. E. (2021) COVID-19 Skepticism in Relation to Other Forms of Science Skepticism. *Socius*. Vol. 7. https://doi.org/10.1177/23780231211049841.

Van Mulukom V., Pummerer L. J., Alper S., Bai H., Čavojová V., Farias J., Kay C. S., Lazarevic L. B., Lobato E. J. C., Marinthe G., Pavela Banai I., Šrol J., Žeželj I. (2022). Antecedents and Consequences of COVID-19 Conspiracy Beliefs: A Systematic Review. *Social Science & Medicine*. Vol. 301. Art. 114912. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114912.

Wang H., Paulson K. R., Pease S. A., Watson S., Comfort H., Zheng P., … Murray C. J. (2022) Estimating Excess Mortality Due to the COVID-19 Pandemic: A Systematic Analysis of COVID-19-Related Mortality, 2020—21. *The Lancet*. Vol. 399. No. 10334. P. 1513—1536. https://doi.org/10.1016%2FS0140-6736(21)02796-3.

Zavadskaya M., Caras V. (2023) (No) Blame for the Crisis: COVID-19 Sceptics and Political Support in Central-Eastern Europe during COVID-19. In: Zavadskaya (ed.) *The Politics of the Pandemic in Eastern Europe and Eurasia.* London: Routledge. P. 16—39.

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

Приложение

Таблица А1. ***Различия между новыми и бывшими скептиками в первой и второй волнам опроса по упомянутым в тексте переменным***

	Новые скептики	Бывшие скептики	Разница
Возраст (среднее значение)			
Волна 1	44,8	48,8	**–4,0***
Волна 2	45,8	49,8	**–4,0***
Доход (медианное значение)			
Волна 1	от 30 до 40 тыс. р.	от 30 до 40 тыс. р.	—
Волна 2	от 30 до 40 тыс. р.	от 40 до 60 тыс. р.	—
Ценности равенства Вельцеля (по шкале от 0 до 1)			
Волна 1	0,55	0,63	**–0,08****
Волна 2	0,57	0,63	**–0,06***
Разница между волнами	–0,02	0,00	
Ценности выбора Вельцеля (по шкале от 0 до 1)			
Волна 1	0,36	0,46	**–0,10****
Волна 2	0,38	0,48	**–0,10****
Разница между волнами	0,02	***0,02***	
Ценность власти Шварца (центрированные значения)			
Волна 1	–0,36	–0,54	0,18
Волна 2	–0,32	–0,60	**0,28***
Разница между волнами	0,04	–0,06	
Ценность универсализма Шварца (центрированные значения)			
Волна 1	0,35	0,50	***–0,15***
Волна 2	0,54	0,57	–0,03
Разница между волнами	**0,19****	0,07	
Ценность самостоятельности Шварца (центрированные значения)			
Волна 1	0,17	0,45	**–0,28***
Волна 2	0,21	0,30	–0,09
Разница между волнами	0,04	***–0,15***	
Тревога по поводу последствий для здоровья (по шкале от 0 до 4)			
Волна 1	3,13	2,48	**0,65*****
Волна 2	2,93	2,85	0,08
Разница между волнами	–0,20	**0,37*****	
Тревога по поводу последствий для благосостояния (по шкале от 0 до 4)			
Волна 1	3,20	2,93	***0,27***
Волна 2	2,91	2,84	0,07
Разница между волнами	**–0,29***	–0,09	
Доверие традиционным СМИ против социальных медиа (по шкале от 1 до 5)			
Волна 1	2,94	2,61	**0,33***
Волна 2	2,72	3,00	***–0,28***
Разница между волнами	–0,22	**0,39*****	

DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2523

	Новые скептики	Бывшие скептики	Разница
Доверие правительству (по шкале от 0 до 3)			
Волна 1	1,26	0,95	**0,31***
Волна 2	0,99	0,97	0,02
Разница между волнами	**–0,27****	0,02	
Доверие системе здравоохранения (по шкале от 0 до 3)			
Волна 1	1,29	0,95	**0,34****
Волна 2	1,15	1,05	0,10
Разница между волнами	–0,14	***0,10***	
Доверие институтам в целом (по шкале от 0 до 3)			
Волна 1	1,31	1,10	***0,21***
Волна 2	1,28	1,26	0,02
Разница между волнами	–0,03	**0,16****	
Оценка действий правительства по борьбе с пандемией (по шкале от 0 до 4)			
Волна 1	1,78	1,61	0,17
Волна 2	1,84	1,94	0,10
Разница между волнами	0,06	**0,33*****	

* $p < 0{,}05$; ** $p < 0{,}01$; *** $p < 0{,}001$.

Полужирным курсивом выделены результаты на уровне значимости $p < 0{,}1$.

Разница между группами внутри волн проверялась с помощью t-теста для независимых выборок, а между волнами внутри групп — для парных.